

Предисловие

Будучи офицером французской службы, я участвовал в осаде Сарагосы¹. Спустя несколько дней после взятия города, забредя в один из довольно отдаленных кварталов, я обратил внимание на небольшой, но красивый домик; почему-то я сразу решил, что солдаты наши еще не успели его разграбить.

Влекомый любопытством, я поднялся на крыльцо и постучался. Оказалось, что двери не заперты, — я легонько толкнул их и вошел внутрь. Я крикнул — никто не отозвался, в доме не было ни души. Мне показалось, что все мало-мальски стоящее уже вывезено; на столах и в шкафах остались мелочи, не имеющие ни малейшей ценности. Только в уголке, на полу, мне бросились в глаза несколько исписанных тетрадей; я просмотрел их. Это была испанская рукопись; хотя я и не силен в этом языке, я все же сумел разобрать, что содержание ее чрезвычайно занимательно: то были истории о каббалистах, разбойниках и упырях. Я решил, что чтение этих удивительных повествований поможет мне развеяться и отвлечься от тягот похода. Рассудив, что рукопись навсегда лишилась законного владельца, я без долгих раздумий прихватил ее с собой.

Спустя некоторое время нам пришлось оставить Сарагосу. К несчастью, я находился вдали от главного корпуса армии и вместе с моим отрядом попал в руки неприятеля. Я полагал, что пробил мой последний час. Когда мы дошли туда, куда нас вели, испанцы начали повальный грабеж. Я умолял их позволить мне сохранить при себе одну только вещь, которая, впрочем, не представляла для них ни малейшей ценности, а именно найденную мною руко-

пись. Сперва они всячески препятствовали мне в этом, затем решили обратиться за разрешением к своему капитану. Тот, полистав тетради, поблагодарил меня за спасенные записки, которые были ему чрезвычайно дороги, ибо рукопись заключала в себе историю одного из его предков. Испанец взял меня к себе на квартиру, где я пробыл довольно долго. Он был сама учтивость, и я, осмелев, упрямил его перевести рукопись на французский: он перевел, а я тщательно записывал его слова.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

В те времена, когда граф Олавидес¹ еще не расселил колонистов в горах Сьерра-Морены, эту крутую горную цепь, отделяющую Андалузию от Манчи, населяли одни только контрабандисты, разбойники да кучка цыган, о которых ходили слухи, что они пожирают тела убитых ими путников. Отсюда и пошла испанская поговорка: *Las gitanas de Sierra-Morena quieren carne de hombres*². И это еще не все. Путника, который решался заехать в эти дикие края, ожидали, если верить слухам, тысячи ужасов, способных охладить даже и самую пылкую отвагу. Ему слышались заунывные голоса, сливающиеся с рокотом горных рек; среди рева бурь его сбивали с дороги блуждающие огоньки, а незримые руки безжалостно толкали в бездну.

Правда, порой на этой странной дороге можно было найти какую-нибудь венту, то есть одинокий трактир; но духи куда более дьявольские, чем сами трактирщики, вынудили этих последних уступить им место и удалиться в края, где только голос совести нарушал их отдых; а голос совести — это призрак, с которым трактирщики предпочитали иметь дело более, чем со всеми другими. Впрочем, беседуя со мной, сам трактирщик из Андухара поклялся именем святого Иакова Компостельского³, что в волшебных рассказах этих нет ни капли лжи. Затем он прибавил, что лучники святой Германдад⁴ избегают совершать вылазки в горы Сьерра-Морены да и путешественники тоже предпочитают ехать по хаэнской или эстремадурской дороге. Я отвечал ему, что такой выбор мог быть по вкусу

лишь путникам обыкновенным и заурядным, но, так как король Дон Филипп V⁵ удостоил меня звания капитана валлонской гвардии⁶, священные законы чести повелевают мне пуститься в Мадрид кратчайшей дорогой, хотя бы она была самой опасной.

— Юный кабальеро, — ответил трактирщик, — ваша милость позволит мне заметить, что, ежели король удостоил вас капитанского звания прежде, чем даже нежнейший пушок не оказал той же чести подбородку вашей милости, вам следовало бы сначала дать доказательства вашего благоразумия и рассудительности, ибо если демоны и злые духи привяжутся к какому-нибудь месту...

Он наболтал бы еще с три короба, но я пришпорил коня и остановился, лишь обретя уверенность, что предостережения его уже не достигнут моих ушей. Тогда я обернулся и увидел, что он размахивает руками, пытаясь заставить меня избрать дорогу на Эстремадуру. Мой слуга Лопес и мой погонщик мулов Москито глядели на меня жалобно; взоры их, казалось, подтверждали слова трактирщика. Но я сделал вид, что ничего не понял, и пустился рысцой меж зарослей, там, где в позднейшие годы было основано поселение, названное Ла-Карлота.

На месте, где теперь стоит почта, находился тогда постоянный двор, отлично известный погонщикам. Они называли его Лос-Алькорнокес, или Пробковые Дубы, ибо два этих прекрасных дерева осеняли там обильный источник, выложенный белым мрамором. На всем пути от Андухара до трактира, называемого Вента-Кемада, нигде не было ни воды, ни тени. Этот трактир, одиноко стоящий среди пустыни, был велик и просторен. Собственно говоря, это был древний мавританский замок, который маркиз Пенья Кемада приказал отстроить заново, отсюда и название Вента-Кемада. Маркиз затем сдал его в аренду некоему горожанину из Мурсии, который и устроил в древнем замке лучшую на всей этой дороге таверну. Путешественники выезжали поутру из Андухара, затем в Лос-Алькорнокес съедали привезенные с собой припасы и отправлялись на ночлег в Вента-Кемаду. Там они обычно проводили и следующий день, чтобы набраться сил перед переездом через горы и запастись свежей провизией.

Таков был план и моего путешествия.

Но когда мы уже приближались к Пробковым Дубам и я напомнил Лопесу о необходимости подкрепить свои силы, я заметил, что погонщик Москито исчез вместе с мулом, навьюченным всей нашей провизией. Лопес ответил мне, что этот малый остался в нескольких сотнях шагов позади нас, чтобы поправить вьюки. Мы ожидали его, проехали еще немного вперед, потом снова задержались, звали его, потом возвратились той же дорогой, чтобы его найти; но все напрасно.

Москито исчез, исчез бесследно и унес с собой наши драгоценнейшие упования на то, что обед наш все еще в целостности и сохранности. Правда, только я был голоден, ибо запасливый Лопес все время жевал тобосский сыр, который взял с собой в дорогу, но, несмотря на это обстоятельство, он был не веселее меня и ворчал сквозь зубы, что, дескать, андухарский трактирщик был прав и что, конечно, дьяволы похитили несчастного Москито.

Когда мы прибыли в Лос-Алькорнокес, я увидел рядом с родником корзинку, прикрытую виноградными листьями; должно быть, в ней были фрукты, забытые каким-нибудь рассеянным путником. Заинтересовавшись, я погрузил руку в корзинку и не без приятности обнаружил там четыре великолепные фиги и один апельсин. Две фиги я предложил Лопесу, но он поблагодарил меня, говоря, что может подождать до вечера, поэтому я все съел сам и затем пожелал утолить жажду водой из соседнего родника. Лопес удержал меня от этого, уверяя, что вода после фруктов может только повредить, и дал мне немного оставшегося еще у него аликанте. Я принял угощение, но едва вино оказалось у меня в желудке, как сердце мое внезапно сжалось, небо и земля завертелись у меня перед глазами, и я, конечно, упал бы в обморок, если бы Лопес не поспешил мне на помощь. Он привел меня в чувство, говоря, что я не должен удивляться своему состоянию, ибо оно вызвано голодом и усталостью. Вскоре силы не только вернулись ко мне, но я даже ощутил себя в особенно необычном и приподнятом состоянии. Мне показалось, что вся округа переливается тысячью красок, предметы засверкали в моих глазах, будто звезды в летнюю

ночь, и кровь начала сильно стучать в жилах, особенно в висках и на шее.

Лопес, видя, что я быстро пришел в себя, начал снова упрекать меня.

— Увы, — сказал он, — отчего это я не посоветовался со святым братом Херонимо Тринидадским, монахом, проповедником, исповедником и оракулом-прорицателем нашего семейства! Недаром он, будучи зятем пасынка тещи отчима моей мачехи, стало быть нашим ближайшим родственником, не позволяет, чтобы что-нибудь в доме нашем случилось без его ведома и совета. Я не хотел его слушать — и справедливо наказан за это. Ибо частенько он говаривал мне, что офицеры валлонской гвардии — народ еретический⁷ и что это легко узнать по их светлым волосам, голубым глазам и румяным щекам, тогда как у всех истинных древних христиан цвет лица подобен цвету Мадонны из Аточи⁸, воссозданной святым Лукой.

Я остановил этот поток дерзостей, приказав Лопесу подать мне мою двустволку и остаться с лошадьми, в то время как сам намеревался взобраться на одну из окрестных скал в надежде, что отыщу заблудившегося Москито или, по крайней мере, его следы. Но, выслушав это мое предложение, Лопес залился слезами и, бросившись к моим ногам, заклинал меня во имя всех святых не покидать его одного в столь опасном месте. Я хотел было сам постеречь лошадей, а его отправить на поиски Москито, но это намерение еще более испугало Лопеса. Однако в конце концов я привел ему такое великое множество разумных доводов, что он все же позволил мне уйти. Затем он извлек из кармана четки и начал горячо молиться.

Вершины гор, на которые я собирался подняться, были гораздо больше удалены от меня, чем это показалось мне на первый взгляд, и лишь после часа пути мне удалось до них добраться, — впрочем, взглянув с вершины, я увидел перед собой пустынное и дикое пространство: ни следа людей, животных или какого-либо жилья; ни одной дороги, кроме той, большой, по которой я прибыл сюда, и никаких путников; полнейшая пустота и немое молчание. Я нарушил его громким криком: одно только эхо отвечало мне в отдалении. В конце концов я пустился

в обратный путь, вернулся к источнику, где нашел своего коня привязанным к дереву, но Лопес... Лопес исчез бесследно.

Передо мной было два пути: либо возвратиться в Андухар, либо продолжать свое странствие. Но о том, чтобы осуществить первое, я даже и не подумал. Я сел на коня и, пустив его крупной рысью, два часа спустя прибыл к берегам Гвадалквивира, который там еще не разливается столь широко и великолепно, как под стенами Севильи. Вырываясь из горной теснины, Гвадалквивир несетя быстрым потоком, бездонным и безбрежным, разбивая свои волны о скалы, непрестанно пытающиеся прервать его бег.

Долина Лос-Эрманос начинается в том месте, где Гвадалквивир течет по равнине; долина эта названа в честь троих братьев, которых общая склонность к разбоям соединяла куда крепче, нежели узы кровного родства; именно это место долгое время было ареной их гнусных подвигов. Из троих братьев двое были пойманы, и, въезжая в долину, можно было видеть тела их, качающиеся на виселице, однако старший, по имени Зото, бежал из королевской тюрьмы и, как говорили, укрылся в горах Альпухары.

Удивительные вещи рассказывали о двоих братьях-висельниках; правда, никто не утверждал, что это призраки, но все уверяли, что не однажды по ночам тела их, оживленные чарами Сатаны, срываются с виселицы и тревожат живых. Эту историю считали настолько правдивой, что некий богослов из Саламанки сочинил обширный трактат, в котором возвещалось, что висельники эти есть не что иное, как упыри, чему уже не раз на белом свете бывали примеры, так что в конце концов и наиболее сомневающиеся вынуждены были поверить. Ходили также слухи, что эти двое были осуждены безвинно и, следовательно, несправедливо наказаны и что теперь, мстя с дозволения Небес, они наводят ужас на путешественников и окрестных жителей, на проезжих и прохожих. Я много наслушался об этом в Кордове и теперь, терзаемый любопытством, приблизился к виселице. Зрелище это было тем более ужасным, что, когда ветер раскачивал гнусные трупы, кровожадные коршуны терзали их внутренности и выклевывали остатки мяса; с трепетом я отвратил взор и пустился по дороге в гору.

Следует признать, что долина Лос-Эрманос была как нельзя более пригодна для разбойничьих подвигов, ибо она обеспечивала злоумышленникам места, где можно было безопасно укрыться. Что ни шаг, путнику преграждали дорогу обломки утесов либо старые деревья, выкорчеванные бурей. Во многих местах дорога прерывалась мостками через ручьи и обходила глубокие пещеры, зловещий вид которых пробуждал в душе самые мрачные подозрения.

Оставив за собой эту долину, я въехал в другую и вскоре увидел трактир, в котором должен был искать пристанища, но уже издалека вид его показался мне весьма зловещим. Я обнаружил, что в строении нет ни окон, ни ставен; дым не шел из трубы, вокруг не было ни души, и ни один пес лаем своим не возвещал о моем прибытии. Отсюда я сделал вывод, что трактир этот — один из тех, которые, если верить рассказу трактирщика из Андухара, покинуты раз навсегда. Наконец я подъехал поближе и увидел у крыльца кружку для пожертвований. Присмотревшись, я прочел на ней следующую надпись: «Господа путешественники, исполняя сострадания, молитесь за упокой души Гонсалеса из Мурсии, бывшего трактирщика в Вента-Кемаде. Ради всего святого, покиньте это место и ни за что на свете не останавливайтесь тут на ночлег!»

Я решил смело встретить опасности, которыми угрожала надпись. И вовсе не потому, что я не был убежден в существовании духов, но потому, что, как покажет продолжение этой истории, во всем моем воспитании больше всего обращали внимание на то, чтобы выработать во мне чувство чести, а честь, как я полагал, и заключалась именно в том, чтобы никогда не проявлять тревоги и боязни.

Солнце еще не совсем зашло, и я воспользовался последними его лучами, чтобы осмотреть это жилище, по правде говоря, не столько для того, чтобы обезопасить себя на случай адских искушений, но, скорее, для того, чтобы найти что-либо съедобное, ибо те пустыки, которые я нашел было в Лос-Алькорнокесе, разве что могли только ненадолго утишить, но отнюдь не утолить голод, который терзал меня по-прежнему. Я прошел через несколько комнат и зал. Большая часть из них была украшена мозаикой в рост человека, а потолки были покрыты великолепны-

ми резными арабесками, которыми в былые времена по праву гордились мавры. Я побывал на кухне, на чердаке и в подвалах — эти последние были выдолблены в толще скалы, некоторые из них соединялись с подземельями, которые, по-видимому, продолжались далеко в глубь гор, но нигде так и не смог отыскать чем подкрепиться. Наконец, когда уже начало смеркаться, я пошел за конем, который до тех пор стоял привязанный во дворе. Я ввел его в стойло, где нашел клочок сена, а потом прошел в одну из комнат, где оставлено было убогое ложе. Впрочем, это все же была постель, единственная во всем трактире. Я пытался заснуть, но тщетно, а тут не только еды, но и света не мог найти!

Чем чернее становилась ночь, тем более мрачное направление принимали мои мысли. Я думал то о внезапном исчезновении моих слуг, то вновь о том, как бы мне утолить голод. Я полагал, что злоумышленники, выйдя внезапно из зарослей или какого-нибудь подземного укрытия, схватили Лопеса и Москито, а меня все же побоялись тронуть, видя, что я вооружен до зубов и им все же нелегко будет одержать надо мной победу.

Более всего я думал о том, как бы мне утолить голод; правда, под вечер я видел коз на горах, несомненно, и козопас должен был при них обретаться, и было бы очень странно, если бы у него не оказалось молока и хлеба. Кроме того, я рассчитывал также на свое ружье. Но ни за что на свете я не возвратился бы в Андухар, ибо я слишком страшился тамошнего трактирщика, вернее, его издевательских расспросов. Одним словом, несколько не колеблясь, я решил пуститься в дальнейший путь.

Когда все это было уже продумано и передумано до конца, я не смог удержаться, чтобы не вспомнить известной истории фальшивомонетчиков и многих других подобных легенд, — легенд, которые убаюкивали меня в мои младенческие годы. Мне также вспоминалась надпись на кружке для милостыни. Я не допускал, чтобы дьявол свернул шею трактирщику, но никак не мог объяснить себе горестной кончины этого последнего.

Таким образом в немой тишине проходили часы, пока я не вздрогнул от неожиданного колокольного звона. Я услы-

шал двенадцать ударов, а ведь, как всем известно, злые духи обладают властью только от полуночи до первого крика петуха. Да и в самом деле, было чему удивиться, ибо часы не отбивали предшествующих ударов, и бой их отдавался в моих ушах погребальным звоном. Вскоре двери комнаты отворились, и я увидел черную, но, впрочем, нисколько не страшную фигуру, ибо это была красивая полунагая негритянка с двумя факелами в руках.

Негритянка приблизилась ко мне, отвесила мне глубокий поклон и так обратилась ко мне на чистейшем кастильском наречии⁹:

— Сеньор кавалер, две чужестранки, которые остановились на ночь в этом трактире, просят, чтобы ты оказал им честь разделить с ними их ужин. Благоволи следовать за мной.

Я поспешил за негритянкой и, пройдя по нескольким коридорам, очутился в ярко освещенной комнате, посреди которой стоял стол с тремя приборами, ломившийся под тяжестью японского фарфора и бокалов из горного хрусталя. В глубине комнаты возвышалось великолепное ложе. Несколько прислужниц-негритянок хлопотало вокруг стола, но внезапно они расступились в две шеренги, и я увидел двух входящих женщин; цвет лица их, как бы сотканный из роз и лилий, дивно отличался от эбенового цвета их наперсниц. Молодые девушки держались за руки. Они были одеты весьма странно, во всяком случае, так мне это тогда показалось, хотя впоследствии, в дальнейших моих странствиях, я убедился, что это был обычный наряд, какой носят на берберийском побережье¹⁰. Наряд этот состоял, собственно, только из рубашки и лифа. Платье, или, вернее, туника, в верхней половине было полотняное, а от пояса — сшитое из мекинесского газа, то есть из ткани, которая была бы совершенно прозрачной, ежели бы широкие шелковые ленты, спускающиеся одна рядом с другой, не скрывали бы прелестей, которые так выигрывали под этим легчайшим покровом. Корсаж, или безрукавка, богато расшитая жемчугом и украшенная бриллиантовыми аграфами, тесно сжимала белоснежную грудь, а рукава от сорочки, также газовые, были связаны на спине. Руки унизаны были драгоценными браслетами. Ножки этих незна-

комок, ножки, повторяю, которым следовало быть кривыми и заканчиваться когтями, если бы они принадлежали злым духам, напротив, отличались стройностью. Они были обуты в изящные восточные туфельки, отнюдь не скрывававшие пальчиков. У щиколоток сверкали браслеты с бриллиантами.

Незнакомки приблизились ко мне с приветливой улыбкой. Каждая была в своем роде необыкновенной красавицей. Одна — высокая, стройная, ослепительная, другая же — кроткая и боязливая. Фигура и черты старшей с первого взгляда поражали правильностью. У младшей, пухленькой, были чуть выпяченные губки, а ее прищуренные глаза оттенены были ресницами необычайной длины. Старшая обратилась ко мне с такими словами на чистейшем кастильском наречии:

— Сеньор кавалер, благодарим тебя за любезность, с которой ты соблаговолил разделить этот скромный ужин. Мы полагаем, что ты ощущаешь в нем потребность.

Слова эти она произнесла со столь злорадной усмешкой, что я на миг заподозрил ее в том, что это она приказала увести моего мула с припасами. Но, так или иначе, мне нельзя было гневаться, ведь утрата моя была возмещена сторицей.

Мы уселись за стол, и та же незнакомка сказала, придвигая ко мне вазу японского фарфора:

— Сеньор кавалер, ты найдешь тут олю-подриду¹¹, состоящую из всех видов мяса, кроме одного, ибо мы верные, то есть мусульманки.

— Прекрасная незнакомка, — отвечал я, — без сомнения, ты сказала правду; кому же более пристало говорить о верности? Это религия истинно любящих сердец. Во всяком случае, прежде чем вы утолите мой голод, прошу утолить мое любопытство и сказать мне, кто вы.

— Ешь пока, сеньор кавалер, — возразила прекрасная мавританка, — от тебя у нас нет никаких тайн! Меня зовут Эмина, а мою сестру — Зибельда; мы живем в Тунисе, но семейство наше родом из Гранады, и некоторые из наших родичей остались в Испании, где тайно исповедуют веру отцов¹². Неделю назад мы покинули Тунис и высадились на пустынном берегу, неподалеку от Малаги.

Затем, между Лохой и Антекверой, мы перешли горы и наконец прибыли сюда, чтобы сменить платье и предпринять все необходимое для нашей безопасности, — ведь нас могут искать. Ты видишь поэтому, сеньор, что наше путешествие — важная тайна, которую мы доверяем твоей честности и порядочности.

Я заверил прекрасных путешественниц, что с моей стороны им нечего опасаться, и начал подкреплять свои силы хотя и с известной прожорливостью, но, однако, не без некоторой жеманной элегантности, о какой никогда не бывает молодой человек, находясь в женском обществе.

Когда дамы увидели, что первый голод утолен и что я принимаюсь за то, что в Испании называют *los dulces**, прекрасная Эмина приказала негритянкам показать мне, как пляшут в их родном краю. Казалось, ни один приказ не мог быть для них приятнее. Они исполнили его с живостью, которая даже несколько переходила в своеволие и проказливость. Конечно, я никогда не был бы в состоянии положить конец этим пляскам, если бы не спросил прекрасных незнакомок, а не предаются ли порой этому развлечению они сами. Вместо ответа, они поднялись и приказали подать им кастаньеты. Танец их напоминал болеро, которым славится Мурсия, и фOFFу, которую танцуют в Альгарве; те, которые бывали в тех краях, легко могут себе вообразить его. Однако они никогда не смогут представить очарования, которое придавали ему прелести обеих мавританок, едва прикрытые прозрачными складками, как бы стекающими по их стройным фигурам.

В течение некоторого времени я спокойно смотрел на восхитительных танцовщиц, но в конце концов движения их, все более яростные, одурманивающие звуки мавританской музыки, чувства, распаленные обильной трапезой, — все это вместе невольно повергло меня в неведомое мне доселе исступление. Я и в самом деле не знал, женщины ли это или какие-то коварные призраки. Я не смел взглянуть на них, не хотел ничего видеть, закрыл глаза руками и в этот миг ощутил, что теряю сознание.

* Сладости (*исп.*).

Сестры приблизились ко мне и взяли меня за руки. Эмина участливо осведомилась о моем здоровье, я успокоил ее. Зибельда тем временем допытывалась, что за медальон у меня на груди, не портрет ли это моей возлюбленной.

— Это талисман, — возразил я, — который дала мне мать и который я поклялся не снимать никогда. В нем хранится частица истинного креста.

При этих моих словах Зибельда смутилась и побледнела.

— Ты в тревоге, — продолжал я, — а ведь одни только злые духи страшатся креста.

Эмина отвечала за сестру:

— Сеньор кавалер, ты знаешь, что мы мусульманки, и ты не должен дивиться обиде, которую ты невольно причинил моей сестре. Признаюсь, что и я испытала то же чувство, и горестно нам, что ближайший наш родственник исповедует веру Христову. Эта речь тебя удивляет, но разве твоя матушка родом не из Гомелесов? Мы также принадлежим к этой семье, которая ведет свой род от Абенсеррагов...¹³ но присядем на эту софу, и я расскажу тебе гораздо больше.

Негритянки удалились. Эмина посадила меня в угол софы и, поджав под себя ноги, села рядом со мной. Зибельда легла с другой стороны, опираясь о мою подушку, и мы были столь близко друг от друга, что наше дыхание смешивалось. Эмина, казалось, задумалась на миг; потом, метнув на меня взор, исполненный чувства, взяла меня за руку и начала с таких слов:

— Я вовсе не хочу скрывать от тебя, дорогой Альфонс, что нас привел сюда не простой случай. Мы дожидались здесь тебя, и если бы, гонимый боязнью, ты избрал иную дорогу, наше уважение к тебе исчезло бы навсегда.

— Ты льстишь мне, прекрасная Эмина, — возразил я, — не понимаю, почему тебя так трогает моя храбрость?

— Твоя особа чрезвычайно занимает нас, — продолжала мавританка, — но, может быть, это менее польстит тебе, если ты узнаешь, что ты первый мужчина, которого мы встречаем в своей жизни. Ты удивлен моими словами

и как будто сомневаешься, правдивы ли они. Я обещала тебе рассказать историю наших предков, но, конечно, лучше будет, если я начну с нашей собственной истории.

История Эмины и сестры ее Зибельды

— Отец наш Газир Гомелес, дядя дея¹⁴, правящего ныне в Тунисе. У нас не было брата, мы никогда не знали отца, и, так как с самых юных лет были заперты в стенах сераля, у нас отсутствовало какое бы то ни было понятие о существах вашего пола. Однако природа одарила нас несказанной склонностью к любви, и, так как у нас не было иного выбора, мы взаимно влюбились друг в друга. Привязанность эта началась с раннего детства. Мы рыдали, когда нас хотели разлучить хоть на миг; когда одну из нас наказывали, другая начинала плакать. Днем мы играли вместе, а ночью делили одно ложе. Столь живое чувство, казалось, начало расти вместе с нами и крепнуть из-за обстоятельства, о котором я тебе сейчас расскажу. Мне было тогда шестнадцать лет, а моей сестре четырнадцать. С давних пор мы заметили, что матушка старательно прячет от нас некоторые книги. Сперва мы обращали на это мало внимания, ибо нам уже достаточно наскучили книги, по которым нас учили читать, но с возрастом у нас пробудился интерес к ним. Мы подстергли минуту, когда запретный шкафчик был открыт, и мгновенно похитили маленький томик, который заключал в себе историю Медждуна и Лейли¹⁵, переведенную с персидского Бен Омаром¹⁶. Это увлекательное творение, пламенными красками описывающее наслаждения любви, воспламенило наши юные головы. Мы не могли понять, в чем суть этих наслаждений, не видав никогда существ вашего пола, но повторяли вслух и про себя новые для нас выражения. Мы обращались друг к другу языком влюбленных и в конце концов попытались любить друг друга, как они. Я взяла на себя роль Медждуна, а сестра моя — роль Лейли. Прежде всего я свидетельствовала ей мою страсть, составляя цветы в букет (это способ объяснения в любви, употребляемый по всей Азии), затем я бросила ей взгляд, полный огня, упала перед ней

на колени, целовала ее следы, заклинала ветерок, чтобы он принес ей мои жалобы, и непрестанно пыталась воспламенить ее сердце жаркими вздохами.

Зибельда, верная науке поэта, назначила мне свидание. Я припала к ее коленям, сжимала ей руки, обливала слезами ее ноги. Возлюбленная моя сперва оказывала мне легкое сопротивление, но вскоре позволила мне похитить несколько лобзаний и наконец вполне разделила мои пылкие чувства. Души наши, казалось, сливались воедино, и более совершенного счастья мы не ведали.

Я не помню, как долго развлекали нас эти страстные сцены, но вскоре ярость наших чувств значительно поухля. Мы проявили охоту к некоторым наукам, в особенности к познанию растений, признаки коих мы узнавали из трудов прославленного Аверроэса¹⁷. Матушка моя, будучи убеждена, что никто не может достаточно вооружиться против скуки сераля, с удовольствием взирала на наши занятия и, желая нам облегчить учение, приказала выписать из Мекки святую женщину, прозванную Хазарета, или «святая из святых». Хазарета учила нас заветам пророка и излагала нам науки тем чистым и мелодичным языком, какой употребляют ныне лишь потомки корейшитов¹⁸. Мы не могли ее вволю послушаться и вскоре знали на память почти весь Коран. Затем матушка поведала нам историю нашего семейства и показала нам множество дневников и записок, из коих одни были писаны по-арабски, а другие по-испански.

Милый Альфонс, ты не поверишь, до чего нам опротивела ваша религия, как мы возненавидели ее священнослужителей. Зато, с другой стороны, судьбы и злключения семьи, кровь которой текла в наших жилах, неслыханно нас занимали. Мы восторгались то Саидом Гомелесом, который терпел муки в узилищах инквизиции, то его племянником Леиссом, который долгое время влачил в горах существование дикое и почти ничем не отличимое от существования хищных зверей. Такие описания пробуждали в нас восторженный интерес к мужчинам, нам хотелось их увидеть, и мы часто выходили на террасу в саду, чтобы хоть издалека поглядеть на корабельщиков с озера Голетта или правоверных, спешащих в бани Хамам-Неф¹⁹. Хотя мы с Зибельдой

и не забывали науки влюбленного Меджнуна, однако с тех пор мы никогда уже больше не повторяли с ней его уроков. Я полагала даже, что страстные чувства, которые я питала к сестре своей, совершенно угасли, но в это время неожиданный случай убедил меня в том, что я ошибалась.

Однажды матушка привела к нам некую принцессу из Тафилета, женщину преклонных лет. Мы приняли ее как можно лучше. Когда визит окончился, матушка сообщила мне, что принцесса просит моей руки для своего сына, моя же сестра предназначена в жены одному из Гомелесов. Известие это как громом поразило нас. Сперва мы не могли вымолвить ни слова, а потом горести этой разлуки столь живо предстали перед нашим взором, что мы предались страшнейшему отчаянию. Мы вырывали себе волосы, и весь сераль огласился нашими стонами. Наконец, когда наша печаль начала переходить в истинное безумие, матушка в испуге обещала не принуждать нас и предложила нам на выбор оставаться незамужними или же обеим выйти замуж за одного и того же избранника. Эти обещания несколько успокоили нас.

Вскоре затем матушка пришла нам сказать, что говорила с шейхом нашего рода и что он согласился, чтобы мы были отданы в жены одному и тому же человеку, при условии, чтобы супруг этот происходил из семьи Гомелесов.

Мы ничего на это не ответили, но мысль иметь одного мужа с каждым днем все больше нам улыбалась. Доселе мы не видели ни старого, ни молодого мужчины — разве уж очень издалека! Но так как молодые женщины казались нам приятнее, чем старые, мы весьма жаждали, чтобы наш супруг тоже был молодым. Мы надеялись, что нам удастся истолковать с его помощью некоторые отрывки из книги Бен Омара, которые мы сами были не в состоянии уразуметь.

Тут Зибельда прервала сестру свою и, сжимая меня в объятиях, сказала:

— Милый Альфонс, отчего ты не мусульманин! Как бы я была счастлива, если бы, видя тебя на ложе Эмины, я могла бы участвовать в ваших наслаждениях и соединиться с вами в объятии!

В нашем семействе, так же как и в семействе пророка²⁰, потомки по женской линии имеют такие же права, как и потомки по мужской линии, и поэтому от тебя зависит, быть может, стать главой нашего рода, который уже клонится к упадку. Для этого тебе было бы достаточно раскрыть свое сердце навстречу святым лучам нашей веры!

Слова эти показались мне настолько похожими на дьявольские козни, что я все высматривал, не замечу ли следы рогов на прекрасном челе Зибельды. Я пробормотал несколько слов о святости моей религии. Сестры отодвинулись от меня. Лицо Эмины приняло серьезное выражение, после чего прекрасная мавританка так продолжала свою речь:

— Сеньор Альфонс, я слишком много рассказывала о себе и о Зибельде. Это не входило в мои намерения; я здесь рядом с тобой, чтобы сообщить тебе подробности о семействе Гомелесов, от коих ты производишь по женской линии. Вот о чем я хотела бы, чтобы ты узнал.

История замка Кассар-Гомелес

Первым шейхом нашей семьи был Масуд бен Тахер, брат Юсуфа бен Тахера²¹, который вторгся в Испанию во главе арабов и дал свое имя горе Джебаль-Тахер, или, как вы произносите, Гибралтар. Масуд, много сделавший для успеха арабского оружия, получил от калифа Багдада должность правителя Гранады, которую он и исправлял вплоть до самой смерти своего брата. Он оставался бы в этой должности и дольше, ибо его глубоко уважали как мусульмане, так и мосарабы, то есть христиане, оставшиеся под владычеством мавров, но у него были сильные враги в Багдаде, которые очернили его в глазах калифа²². Масуд узнал, что гибель его неизбежна, и решил удалиться сам. Он собрал горстку верных и поселился в Альпухаре²³, которая, как ты знаешь, является отрогом Сьерра-Морены и отделяет королевство Гранады²⁴ от королевства Валенсии.

Визиготы²⁵, у которых мы завоевали Испанию, так никогда и не прорвались в Альпухару; большая часть долины была совершенно заброшена. Только в трех из них

обитали потомки древнего иберийского племени, называемые турдулами²⁶. Не знали они ни Магомета, ни твоего пророка-назарейнина; принципы их религии и законов содержались в песнях, которые передавались от отцов к детям. Некогда у них были книги, но с течением времени эти книги погибли.

Масуд покорил турдулов скорее словом, чем силой; он научился их языку и проповедовал им ислам. Оба народа смешались посредством взаимных браков; именно этому слиянию родов, как и горному воздуху, я и моя сестра обязаны той румяной кожей, которая отличает дочерей Гомелесов. Можно, правда, и у мавров встретить немало белых женщин, но обычно они бледны.

Масуд принял титул шейха и приказал воздвигнуть укрепленный замок, которому дал имя Кассар-Гомелес. Более судья, нежели повелитель, своего племени, Масуд был доступен для всякого, двери его дома отворялись равно для всех, только в последнюю пятницу каждого месяца он прощался с семьей, спускался в подземелье замка и, запершись там, проводил целую неделю. Эти исчезновения дали повод к разнообразным толкам. Одни считали, что шейх ведет беседы с Двенадцатым имамом²⁷, который должен явиться накануне светопреставления, другие же предполагали, что в подземелье сидит заключенный Антихрист²⁸; третьи, наконец, доказывали, что там почивают семеро спящих братьев вместе со своим верным псом Калобом²⁹. Шейх совершенно не обращал внимания на эти досужие толки и правил своим народом до тех пор, пока у него хватало сил. В конце концов он выбрал разумнейшего из всего племени, нарек его своим преемником, вручил ему ключ от подземелья, а сам уединился в пустыне, где прожил еще долгие годы.

Новый шейх правил подобно своему предшественнику и так же, как и он, исчезал в последнюю пятницу каждого месяца. Это длилось до тех пор, пока Кордова не получила своих калифов³⁰, совершенно независимых от владык Багдада. Тогда горцы Альпухары, которые принимали деятельное участие в этих переменах, начали селиться на равнинах, где вскоре они прославились под именем Абенсеррагов, другие же, которые остались верными шейху из Кассар-Гомелеса, сохранили имя Гомелесов.

А между тем Абенсерраги скупили богатейшие имения в королевстве Гранады и великолепнейшие дворцы. Чрезмерная их роскошь привлекла всеобщее внимание. Возникло подозрение, что подземелья шейхов таят неисчислимые богатства, но никто не был в состоянии проверить эти предположения, так как сами Абенсерраги не знали источника своих сокровищ. Наконец, когда прекрасные эти королевства навлекли на себя гнев Божий, Аллах отдал их в руки неверных. Гранада была взята штурмом, и спустя несколько дней знаменитый Гонзальв³¹ из Кордовы во главе трех тысяч испанцев ворвался в Альпухару. Хатем Гомелес был тогда шейхом нашего рода. Он вышел навстречу Гонзальву и вручил ему ключи от замка. Испанец потребовал ключи от подземелья, шейх и их ему тут же принес. Гонзальв спустился в подземелье, но, увидя вместо сокровищ надгробье и несколько ветхих книг, начал громко издеваться над пустыми домыслами своих единоплеменников и поспешил затем вернуться в Вальядолид, куда его призывали любовь и любовные интриги.

До самого вступления Карла на престол в наших горах царил мир. Шейхом тогда был Сефи Гомелес. Этот человек по неизвестным причинам донес императору, что открывает ему важную тайну, если Карл³² захочет послать в Альпухару какого-нибудь знатного испанца, к которому он питает полное доверие. Прежде чем прошло пятнадцать дней, к Гомелесам в качестве императорского посла прибыл дон Руис из Толедо, но нашел шейха мертвым. Его убили накануне приезда посла. Дон Руис заподозрил нескольких человек, но затем, устав от напрасных усилий, вернулся к императорскому двору.

Тут Зибельда вновь прервала сестру, говоря:

— Милая Эмина, не думаешь ли ты, что Альфонс выдержал бы все эти испытания? Ах, кто же посмеет сомневаться в этом! Дорогой Альфонс, как жаль, что ты не мусульманин; без сомнения, ты стал бы властелином неисчислимых сокровищ!

Это было уж совсем похоже на новое искушение. Князь тьмы, не сумев соблазнить меня наслаждением, старался теперь пробудить во мне жажду золота. Тем временем пре-

красные мавританки прильнули ко мне, и я ощутил прикосновение живых тел, а вовсе не теней. После минутного молчания Эмина так продолжала свою речь:

— Дорогой Альфонс, ты прекрасно знаешь о преследованиях, которым подвергся наш род в царствование Филиппа³³, сына Карла. Похищали детей, воспитывали их в вере Христовой и передавали им имения родителей, которые не хотели отказаться от веры предков. Тогда-то один из Гомелесов был принят в теку дервишей святого Доминика и занял должность Великого инквизитора...³⁴

Тут мы услышали пенье петуха, и Эмина прервала свою речь. Снова пропел петух. Человек суеверный, конечно, ожидал бы, что обе красавицы внезапно ускользнут через дымоход. Однако этого вовсе не произошло, только девушки внезапно помрачнели и погрузились в размышления.

Эмина первая прервала молчание.

— Милый Альфонс, — сказала она, — уже занимается день, слишком дороги часы, которые мы можем провести с тобой, чтобы мы могли потратить их на рассказывание давних историй. Мы не можем стать твоими женами, разве только ты признаешь закон пророка. Но тебе позволено будет увидеть нас во сне. Ты согласен на это?

Я был согласен на все.

— Но этого недостаточно, милый Альфонс, — сказала Эмина с выражением высочайшего достоинства, — нужно, чтобы ты присягнул священнейшими принципами чести, что никогда не выдашь тайны наших имен, самого нашего существования и всего того, что ты знаешь о нас. Отважишься ли ты принять на себя подобные обязательства?

Я поклялся исполнить все, чего от меня ожидали.

— Хорошо, — сказала Эмина, — теперь, сестра, принеси чашу, освященную Масудом, шейхом нашего рода.

В то время как Зибельда ходила за волшебной чашей, Эмина пала на колени и стала читать арабские молитвы. Зибельда возвратилась с чашей, которая показалась мне вырезанной из одного большого изумруда. Сестры омочили в ней уста и приказали мне выпить остальное. Я по-

виновался. Эмина поблагодарила меня за покорность и нежно обняла. Затем Зибельда прильнула к моим устам, запечатлела на них проникновеннейший поцелуй и долго не могла от них оторваться. Потом они обе покинули меня, говоря, что вскоре я снова их увижу и что пока они советуют мне попытаться поскорее заснуть.

Столько удивительных случаев, чудесных рассказов и неожиданных впечатлений дали бы мне пищу для размышлений на всю ночь, но должен признаться, что обещанные сновидения занимали меня более всего. Я быстро разделся и, когда уже улегся на приготовленное для меня ложе, заметил не без удовольствия, что постель широка и что для приятных сновидений места на ней более чем достаточно. Но едва я успел заметить это, как неодолимый сон сковал мои веки и все обманы ночи повили пеленой мои чувства. Не переставая блуждал я во все новых и новых дебрях фантастических очарований, а мысль моя, летящая на крыльях желания, помимо воли переносила меня в африканские серали, открывала прелести, сокрытые в их околдованных стенах, и погружала в омуты неопишуемых наслаждений. Я чувствовал, что сплю, и, однако, был уверен, что сжимаю в своих объятиях отнюдь не сонные видения. Я терялся в бесконечном пространстве безумнейших иллюзий, но отлично помню, что все время был с моими прекрасными кузинами. Засыпал на их груди и пробуждался в их объятиях. Не помню, сколько раз испытывал я эти волшебные метаморфозы...

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Наконец я и в самом деле очнулся. Солнце жгло мне веки, и я с трудом сумел их поднять. Увидев небо, я понял, что нахожусь на вольном воздухе. Но глаза мои все еще слипались. Я уже не спал, но не вполне пробудился. Ужасные картины пронеслись перед моим умственным взором. Тревога снедала меня. Я вдруг приподнялся и сел.

Где найду слова, чтобы описать ужас, овладевший мною? Я лежал под виселицей Лос-Эрманоса. Трупы обоих братьев

Зото уже не висели, а лежали рядом со мной. Я, несомненно, провел между ними целую ночь. Я валялся на оборванных постромках, обломках колес, чьих-то костях и гнусных лохмотьях, еще нетронутых тлением.

Мне показалось, что я сплю и что отвратительный сон гнетет меня. Я закрыл глаза, силясь припомнить впечатления прошедшей ночи. И вдруг ощутил когти, впивающиеся в грудь мою. Это был коршун, который упал на меня и терзал тело одного из моих товарищей по ночлегу. Боль, которую причинили мне эти когти, окончательно разбудила меня. Платье мое лежало рядом со мной, и я начал поспешно одеваться. Одевшись, я хотел выйти из ограды, окружавшей виселицу, но ворота были заперты, и я, как ни старался, не смог их отпереть. Мне пришлось в конце концов взобраться на эту угрюмую ограду. Взобравшись туда, я оперся на столб виселицы и оглядел окрестность. Я уже знал это место. Я и в самом деле находился у входа в долину Лос-Эрманос, неподалеку от берегов Гвадалквивира.

Вот так, блуждающими очами озирая окрестность, я увидел над рекой двух путников, один из которых готовил завтрак, а другой держал под уздцы пару лошадей. Я был так счастлив, что вижу людей, что сразу же начал кричать: «Агу! Агу!» — что означает по-испански «Добрый день» или, пожалуй, «Как поживаете?».

Путники, заметив знаки внимания, которые кто-то оказывал им с верхушки виселицы, на миг остолбенели, но тут же оседлали коней и во весь дух поскакали по дороге, ведущей в Лос-Алькорнокес. Я кричал им, чтобы они остановились, но напрасно: чем громче я кричал, тем быстрее они уносились и тем глубже вонзали шпоры в бока своих лошадей. Когда я наконец совершенно потерял их из виду, я прежде всего подумал о том, чтобы покинуть свой пост. Спрыгнул наземь и, падая, довольно сильно ушибся.

Ковыляя, я добрался до берега Гвадалквивира; я нашел там приготовленный ужин, который с такой поспешностью бросили оба путника. Это угощение было очень кстати, более того, оно было даже весьма утонченным. Я нашел варящийся еще шоколад, эспонхад¹, смоченные вином аликанте, хлеб и яйца.

Я подкрепился, а потом принялся вспоминать события прошедшей ночи. Воспоминания мои совершенно перепутались, однако я отлично помнил, что дал честное слово сохранять тайну, и решил свято хранить верность присяге. Окончательно развеяв всяческие сомнения, я стал раздумывать о дальнейшей моей судьбе, вернее, о том, какую дорогу выбрать. Теперь более, чем когда-либо, я считал, что священные законы чести велят мне ехать через Сьерра-Морену.

Может показаться странным, что я столько занимался делами моей чести и столь мало — событиями минувшей ночи, но этот образ мыслей был следствием моего воспитания, как это выяснится из дальнейшего течения этой повести. А теперь я возвращаюсь к моему путешествию.

Мне было весьма интересно узнать, что за штуки выкидывали дьяволы с моим конем, которого я оставил в Вента-Кемаде; и так как мне следовало держать путь туда, я решил заглянуть в трактир. Мне пришлось пешком пройти всю долину Лос-Эрманос и следующую, вплоть до самой венты; я был настолько измучен, что с нетерпением ожидал мгновения, когда отыщу моего коня. И в самом деле, я нашел его в том самом стойле, где его вчера оставил. Добрый мой гнедой не утратил обычной веселости, шкура его лоснилась, из чего следовало, что кто-то о нем тщательно заботился. Я не мог понять, кто это сделал, но я уже столько перевидал необычайных вещей, что не стоило долго ломать голову над подобной безделницей. Я, конечно, тут же пустился бы на нем в путь, если бы мне не пришла вдруг охота вновь осмотреть трактир. Я нашел комнату, в которой сперва расположился, но, несмотря на самые старательные поиски, не смог обнаружить покои, где я познакомился с прекрасными мавританками. Мне надоело бессмысленно слоняться по углам, и вот я оседлал коня и пустился в дальнейший путь.

Когда я проснулся под виселицей Лос-Эрманоса, солнце совершило уже почти половину своего пути, с того момента я два часа потратил на дорогу к трактиру; итак, когда я проехал следующие несколько миль, мне нужно было уже подумать о новом приюте, но, не видя нигде ни одного строения, я поехал дальше. Наконец я увидел

вдалеке готическую часовню, к стене которой прилепилась маленькая хижина, похожая на жилище отшельника. Строение это находилось в весьма значительном отдалении от большой дороги, но, так как голод начал уже мучить меня, я не колеблясь свернул с дороги, надеясь подкрепить свои силы.

Добравшись до хижины, я привязал коня к дереву, постучался у дверей хижины и увидел выходящего из нее монаха чрезвычайно благообразной наружности. Отшельник обнял меня с отцовской заботливостью и сказал:

— Войди, сын мой, войди скорее, не проводи ночь под открытым небом, остерегайся искушений, ибо Господь отвел от нас десницу свою.

Я поблагодарил отшельника за доброту, которую он ко мне проявил, и напомнил ему о голоде, терзающем меня.

— Подумай сперва о спасении души, сын мой, — ответил он, — иди в часовню, преклони колени и молись перед распятым. Я подумаю о потребностях тела твоего; но тебе придется ограничиться скудной трапезой, которую может предоставить тебе отшельник в своей бедной хижине.

Я пошел в часовню и в самом деле начал молиться, ибо не только сам никогда не был безбожником, но даже не понимал, как их только земля носит. Всему этому причиной было полученное мною воспитание.

Спустя четверть часа отшельник зашел за мной и ввел меня в хижину, где я нашел весьма пристойно накрытый стол. Ужин состоял из великолепных маслин, артишоков, маринованных в уксусе, соуса с испанским луком и сухарей вместо хлеба; затем нашлась и бутылка вина, которого отшельник не пил, но употреблял, только служа святую обедню. Узнав об этом, я также не прикоснулся к вину.

В то время как я не без удовольствия подкреплял свои силы, в хижину вошло такое ужасное создание, какого я еще никогда в жизни не видел. Это был человек, как мне показалось, молодой, но устрашающей худобы. Волосы у него стояли дыбом, один глаз был выколот, и рана все еще кровоточила. Из рта у него вываливался язык, покрытый пеной. Он был в весьма приличном чер-

ном платье, но это была вся его одежда — ни чулок, ни сорочки на нем не было.

Страшный пришелец, не говоря ни единого слова, уселся в углу, согнувшись в три погибели, и, неподвижный как статуя, единственным глазом своим всматривался в распятое, которое сжимал в руках. Покончив с ужином, я осведомился у отшельника, что это за человек.

— Сын мой, — ответил старец, — это бесноватый, из которого я изгоняю дьяволов. Страшная история его является явным доказательством той власти, какую ангел тьмы приобрел над сею злосчастной округой. Рассказ его может послужить к твоему спасению, потому-то я и прикажу ему, чтобы он его начал.

Окончив эту фразу, он обратился к бесноватому и молвил:

— Пачеко! Пачеко! Во имя твоего Искупителя я велю тебе поведать твою историю.

Пачеко отвратительно зарычал, а потом повел такую речь:

История бесноватого Пачеко

Родился я в Кордове, где отец мой жил в достатке. Мать моя скончалась три года назад. Отец сперва казался безутешным, но, когда несколько месяцев спустя ему случилось съездить в Севилью, влюбился там в молодую вдову по имени Камилла де Тормес. Женщина эта пользовалась недоброй славой, и друзья моего отца пытались отвратить его от этого знакомства, но именно как бы им наперекор отец обвенчался с ней спустя два года после кончины первой жены. Бракосочетание состоялось в Севилье, и через несколько дней отец мой вернулся в Кордову с новой супругой и сестрой ее Инезильей.

Поведение моей мачехи вполне соответствовало молве, которая о ней ходила. Едва прибыв к нам в дом, она начала бросать на меня нежные взгляды. Намерения ее не увенчались успехом, но я безумно влюбился в ее сестру. Эта страсть вскоре настолько овладела мною, что я бросился к ногам отца, умоляя его отдать мне в жены Инезилью.

Отец, благодушно улыбаясь, поднял меня и сказал:

— Запрещаю тебе, сын мой, думать об этом браке — и это по трем достаточно веским причинам: во-первых, не подобает, чтобы ты стал свояком собственного отца; во-вторых, священные законы Церкви запрещают такие браки; и, в-третьих, я не хочу, чтобы ты женился на Инезилье.

Изложив мне эти три причины, отец отвернулся от меня и ушел. А я заперся в своей комнате и предался страшнейшему отчаянию. Мачеха моя, узнав о том, что произошло, заглянула ко мне и стала уверять меня, что напрасно я так убиваюсь, ибо, хотя я не могу быть мужем Инезильи, это не беда, ничто не мешает тому, чтобы я стал ее кортехо, то есть возлюбленным, и что она все это берет на себя. При этом она, однако, много говорила о любви и о жертве, на которую идет, уступая сестре своей первенство. Я с наслаждением выслушал эти слова, льстящие моему чувству, однако, зная скромность Инезильи, нисколько не надеялся на то, что мои упования когда-нибудь осуществятся.

Вскоре отец мой отправился в Мадрид, ибо он хотел добиться должности коррехидора² Кордовы, и захватил с собой жену и свояченицу. Поездка эта должна была продлиться всего лишь два месяца, но для меня, который не мог прожить и дня, не видя Инезильи, время это казалось неслыханно долгим. На исходе второго месяца я получил от отца письмо, в котором он приказывал мне выехать ему навстречу и ожидать его в Вента-Кемаде, у подножья Сьерра-Морены. Несколько недель назад у меня не хватило бы смелости отправиться в Сьерра-Морену, но как раз незадолго перед тем повесили обоих братьев Зото, шайка распалась, и никто уже не вспоминал ни о каких опасностях.

Итак, около десяти утра я выехал из Кордовы и прибыл на ночлег в Андухар, к самому болтливому во всей Андалузии трактирщику. Я приказал приготовить себе обильный ужин и, съев половину, другую сохранил на остаток пути.

Наутро я подкрепился остатками этого ужина в Лос-Алькорнокесе и к вечеру прибыл в Вента-Кемаду. Я еще

не застал там отца, но, так как он настоятельно приказал мне дожидаться его, согласился на это тем охотней, что нашел трактир просторным и удобным. Трактирщик, некий Гонсалес из Мурсии, добрый человек, хотя и великий пустобрех, обещал мне приготовить ужин, достойный гранда первого класса³. Пока он стряпал, я отправился прогуляться по берегу Гвадалквивира, а возвратившись, и в самом деле нашел, что ужин весьма недурен.

Подкрепившись, я приказал Гонсалесу постлать мне. Он смутился и пробормотал несколько вздорных слов. В конце концов он признал, что в трактире поселились духи. Сам он, вместе с семейством, отправлялся спать в соседнюю деревню, расположенную на берегу реки; и прибавил, что если я хочу провести ночь спокойно, то он постелет мне рядом с собой.

Предложение трактирщика показалось мне полнейшим вздором, и я ответил ему, что пусть он отправляется спать куда хочет, а мне пусть позовет моих слуг. Гонсалес не противился; он отошел, качая головой и пожимая плечами.

Вскоре явились мои слуги; они слышали уже о предостережениях трактирщика и хотели уговорить меня провести ночь в ближайшем селении. Я отверг их советы и приказал им приготовить мне постель в той самой комнате, где я ужинал. Не противореча, хотя и неохотно, они выполнили поручение и, когда постель была уже готова, вновь со слезами начали умолять меня, чтобы я отказался от мысли провести ночь в трактире. Терпение мое лопнуло. Я разгневался и приказал им убираться вон. Я легко обошелся без их помощи, ибо имел обыкновение раздеваться сам, но убедился, что они заботились обо мне больше, чем я того заслуживал своим поведением: они оставили рядом с моей постелью зажженную свечу и вторую — про запас, а также пару пистолетов и несколько книг. Эти последние должны были заполнить мне часы бодрствования, да я и впрямь потерял уже охоту спать.

Несколько часов еще я провел, то читая, то ворочаясь на постели, как вдруг услышал звук колокола или, скорее, часов, бьющих полночь. Я удивился, тем более что до этого не слышал боя. Внезапно двери открылись, и я увидел

свою мачеху в легчайшем дезабилье, со свечой в руке. Она приблизилась ко мне на цыпочках, жестом приказала молчать, поставила свечу на столик, уселась рядом со мной, взяла мою руку в свои и начала с таких слов:

— Милый Пачеко, настал миг, когда я могу исполнить данное тебе обещание. Час назад мы прибыли в этот трактир. Твой отец отправился на ночлег в деревню, но я, узнав, что ты здесь, получила позволение остаться с моей сестрой. Инезилья ждет тебя! Ни в чем тебе не откажет, но помни об условиях твоего счастья. Ты любишь Инезилью, а я люблю тебя. Из нас троих двое не должны наслаждаться счастьем за счет третьего. Я хочу, чтобы мы все спали в одной постели. Иди за мной.

Мачеха моя не дала мне времени на ответ; взяла меня за руку и повела через множество коридоров к последним дверям и там припала к замочной скважине. Достаточно наглядевшись, сказала:

— Все идет хорошо, убедись сам.

И в самом деле, я увидел прелестную Инезилью, она раскинулась на великолепном ложе, но от привычной скромности в ней не осталось ничего: щеки пылали, весь облик ее не оставлял сомнений в том, что она нетерпеливо ожидает прихода возлюбленного.

Камилла, позволив мне нагладеться, сказала:

— Остайся тут, милый Пачеко; скоро наступит миг, когда я приду к тебе.

Когда она вошла в комнату, я вновь прильнул к замочной скважине и увидел тысячу вещей, которые мне нелегко описать. Камилла неторопливо разделась и, улегшись в постель своей сестры, сказала ей:

— Несчастливая Инезилья, неужели ты и вправду жаждешь любовника? Бедное дитя! Ведь ты ничего не знаешь о боли, которую он тебе причинит. Бросится на тебя, прижмет, изранит...

Решив, что она уже достаточно поучила свою воспитанницу, Камилла отворила двери, подвела меня к ложу своей сестры и легла вместе с нами. Что мне сказать об этой злосчастной ночи? Я достиг вершин греха и наслаждения. Долго боролся с сонливостью и естественной усталостью, чтобы как можно более продлить адские утех.

В конце концов я заснул, а наутро пробудился под виселицей братьев Зото — я лежал между их трупами.

Тут отшельник прервал бесноватого и сказал, обращаясь ко мне:

— Что же, однако, ты, сын мой, думаешь обо всем этом? Полагаю, что ты испытал бы неслыханную тревогу, если бы вдруг оказался между двумя висельниками.

— Ты оскорбляешь меня, отец мой, — возразил я, — дворянин ничего не должен бояться, в особенности когда он имеет честь быть капитаном валлонской гвардии.

— Однако, сын мой, — прервал меня пустынный, — разве ты слышал, чтобы с кем-нибудь приключилось нечто подобное?

Минуту поразмыслив, я возразил:

— Если такая история случилась с сеньором Пачеко, она могла бы очень легко случиться и с любым другим человеком. Но я скорее выскажу свое мнение, если ты прикажешь ему говорить дальше.

Отшельник обратился к бесноватому и сказал:

— Пачеко! Пачеко! Во имя Искупителя твоего приказываю тебе говорить дальше.

Пачеко отворачиваясь зарычал и так продолжал свой рассказ:

— Полумертвый от ужаса, я убежал из-под виселицы. Влачился, сам не помня куда, пока наконец не встретил путников, которые жались надо мной и проводили меня в Вента-Кемаду. Я застал там трактирщика и моих слуг, пребывающих в большом беспокойстве из-за меня. Я спросил их, действительно ли мой отец провел ночь в ближнем селении. Они ответили, что никто из моей семьи до сих пор не прибыл.

Я не мог больше оставаться в Вента-Кемаде и вернулся в Андухар. Добрался туда я уже после захода солнца; в трактире было полно народу, и меня послали на кухню. Я расположился на ночь, но тщетно силился уснуть: ужасы минувшей ночи непрерывно возникали в моем мозгу. Близ очага я поставил зажженную свечу, но она вдруг погасла, и я почувствовал, как смертельный ужас леденит

кровь в моих жилах. Кто-то потянул за одеяло, и вдруг я услышал тихий голос, произносящий такие слова:

— Это я, Камилла, твоя мачеха; я вся дрожу от холода. Милый Пачеко, уступи мне местечко под одеялом.

Миг спустя другой голос прервал:

— Это я, Инезилья, позволь мне прилечь на твою постель. И мне тоже холодно.

И вдруг я ощутил, как холодная рука треплет меня по подбородку. Я собрал все силы и воскликнул:

— Изыди, Сатана!

На что оба голоса вновь тихо отвечали:

— Как? Ты гонишь нас? Разве ты нам не муж? Нам холодно, мы разведем огонь в печи.

И в самом деле, вскоре потом слабое пламя вспыхнуло в кухонном очаге. Когда немного рассвело, я увидел не Камиллу и Инезилью, а двоих братьев Зото, висящих над самым очагом.

При этом ужасном зрелище я едва не лишился чувств; вскочил с постели, выбросился в окно и побежал в поле. Вскоре я счел, что мне повезло и я счастливо избежал всех этих ужасов, но, обернувшись, заметил, что висельники гонятся за мной. Я помчался что есть мочи и вскоре оставил упырей далеко позади. Но радость моя была, увы, недолгой. Гнусные создания стали вращаться колесом на руках и ногах и мгновенно настигли меня. Я снова пробовал убежать, но в конце концов лишился сил.

Тогда я почувствовал, что один из висельников хватает меня за щиколотку левой ноги; я хотел вырваться, но другой стал мне поперек дороги. Остановился, вытаращил на меня гнусные глазницы и высунул язык, красный, будто железо, выхваченное из огня. Я умолял смилостивиться надо мной, но тщетно. Одной рукой он схватил меня за горло, другой же вырвал мне глаз, место это и доселе не заживает. Туда, где был глаз, он всунул свой раскаленный язык и начал лизать мне мозг с такой яростью, что я рычал от боли.

Тогда другой висельник, который схватил меня за левую ногу, также пустил в ход когти. Сперва он начал мне щекотать ногу, за которую держал меня; затем сей гнусный обитатель преисподней содрал кожу с моей ноги, вы-

СОДЕРЖАНИЕ

Рукопись, найденная в Сарагосе. Перевод А. Голембы 5

Приложения

И. Ф. Бэла. Рукопись, найденная в Сарагосе 677

Примечания 705

Потоцкий Я.

П 64 **Рукопись, найденная в Сарагосе** : роман / Ян Потоцкий ; пер. с пол. А. Голембы. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 736 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-02348-2

«Рукопись, найденная в Сарагосе» — роман причудливый и своеобразный, неоднократно сравненный со знаменитыми сказками «Тысячи и одной ночи», — самое значительное произведение замечательного польского ученого, дипломата, путешественника, археолога и писателя Яна Потоцкого (1761—1815). Молодой валоннский офицер торопится вернуться в свой полк, но, не в силах разомкнуть заколдованный круг, неизменно оказывается возле затерянного в горах Сьерра-Морены трактира, рядом с которым возвышаются виселицы с телами двух бандитов. Шестьдесят шесть дней, проведенных Альфонсом ван Ворденом в Сьерра-Морене, наполнены яркими, увлекательными приключениями и драматическими событиями, сдобренными мистикой, со всеми полагающимися ей атрибутами: призраками, оборотнями, каббалистами и сатанистами. Разветвленный сюжет изобилует географическими бросками и временными смещениями (из Испании читатель попадает на берега Нила, в старинные рыцарские замки, на Корсику, Сардинию, Мальту, в Тунис, в Марокко, в Древнюю Грецию и Иудею). По сути «Рукопись, найденная в Сарагосе» — роман-лабиринт, за каждым поворотом которого читателя ждет нечто необъяснимое и загадочное.

УДК 821.162.1

ББК 84(4Пол)-44

Литературно-художественное издание

ЯН ПОТОЦКИЙ
РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В САРАГОСЕ

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Александра Савастени

Корректоры Валерий Камендо,
Светлана Федорова, Елена Орлова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 22.11.2017. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 32,43. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/



Y-AKB-7981-82-R